

НИКАКАЯ ВОЛНА

АЛЕКСАНДР СТАРОСТИН

РОМАН

Москва
Издательство АСТ
 АСТРЕЛЬ СПб

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
С77

Дизайн обложки:
Юлия Межова

В оформлении обложки использована
иллюстрация *Яны Веремьевой*
и фото *Веры Серебряковой*

ISBN 978-5-17-163355-4

© Старостин А., текст, 2024
© Яна Веремьева, обложка, 2024
© ООО «Издательство АСТ», 2024

ОТ АВТОРА

Этот роман был написан мной более пятнадцати лет назад. В то время он стал обобщенным опытом моей службы редактором в одном из старейших музыкальных изданий и суммой впечатлений от работы с начинающими музыкантами и рекорд-лейблами. А еще, конечно, личной историей одной несчастной любви. Имена всех действующих лиц были изменены не только из этических соображений, но и потому, что большинство из них не имеют реальных прототипов, являясь собирательными образами. Поэтому данный текст важно воспринимать как художественный вымысел, лишь вдохновленный биографическим материалом.

За все эти годы, прошедшие с момента написания книги, у меня неоднократно была возможность опубликовать ее. Но в последний момент я отвергал все предложения, откладывая рукопись на дальнюю полку. Причин тому было несколько. Прежде всего, меня смущало, что читатель может начать отождествлять меня с тем неприглядным персонажем, который описан на этих страницах. Будучи взрослым человеком, основателем известной музыкальной группы, выступающей в филармониях и театрах по всему миру, я был, конечно, не рад такой перспективе. Лишь позже я понял, что это не более чем желание сохранить общественный образ самого себя, который выдуманный герой вряд ли мог бы разрушить.

Второй причиной был соблазн вместе со своим уже взрослым опытом вмешаться в материал и начать выбеливать его в угоду политкорректности, вырезая откровенные и сомнительные сцены. Я рад, что вовремя отказался от этой мысли. Подвергнув роман самоцензуре, сделав героя более привлекательным, я бы уничтожил повествование, превратив его в беззубый фарс.

Спасибо моим друзьям и родным, кто поддержал меня в идее публикации этой книги в ее изначальном хулиганском виде.

Любой сложный творческий путь состоит из ошибок, страданий, предательств, любви, порочных пристрастий. В этом предисловии мне показалось важным пояснить, почему я оставил книгу в той изначальной форме со всеми излишествами, свойственными миру ее героев. И если вы не приемлете сцены употребления наркотиков, откровенного секса и матерную ругань, то вам стоит отказаться от чтения.

Описываемые в романе события происходят в самом начале двадцать первого века, в зарождающихся двухтысячных. И несмотря на это, роман, как мне кажется, сейчас стал более актуален, чем во все предыдущие годы. Почему так? Возможно, из-за нашей новой реальности, в которой мы все очутились. Либо оттого, что любой истории свойственно идти по кругу. А значит, для этой книги настало подходящее время.

«Если я говорю „я“, я лгу».

Мишель Уэльбек

«Возможность острова»

Единственная книга, которую она оставляет, забирая вещи — Лео Перуц, «Прыжок в неизвестное». Я читаю этот роман, стоя в очередях на вокзалах, и смеюсь над каждой строчкой.

Мы пока не знакомы.

Я в самом начале. И я падаю.

Это происходит очень неожиданно, в момент выхода на сцену. Собираюсь подключить гитару, чувствую грубый толчок в спину и проваливаюсь в бездну. Не балансирую, не цепляюсь руками, а пролетев полтора метра, оказываюсь на полу. Вместе с накатывающей болью мелькает мысль: «Кто-то хотел меня убить!»

Мы на музыкальном фестивале в петербургском клубе «Мандарин». Зал заполнен публикой. Двадцатилетние. Дымят сигаретами и потягивают пиво из пластиковых стаканов, с интересом наблюдая за происходящим.

Мои ноги застряли в ограждении, а лицо и торс прижаты к закиданному окурками полу. Я ощущаю, как липкие струйки крови скользят по лодыжкам.

Кто-то говорит:

— Вы видели, как он упал?

Им можно простить — они заплатили за билеты.

Проснувшийся охранник лениво оттесняет любопытствующих.

— Гитару не затопчите! — Я показываю на валяющийся рядом «Гибсон» с порванными струнами и трещиной в грифе.

О таком музыканты вряд ли рассказывают в своих интервью. Не говорят, каково это — после пафосного выхода на сцену внезапно беспомощно распластаться у всех на глазах.

Вспышки фотокамер.

Сочувственные взгляды.

Подволакивая ногу, я ползу в сторону гримерки, но она далеко. Музыканты открыли дверь и машут мне руками, словно утопающему, плывущему к кораблю. Сами же боятся выйти, чтобы не нарваться на восторженных фанатов.

Вот басист Фил — рыжий, в вельветовых штанах. Рядом с ним, худой, как швабра, барабанщик Тоший. Чуть сбоку — бородатый клавишник Артем. А по центру — вокалист Энди. Вся наша группа. Стоят в дверном проеме и тянут ко мне руки.

— Вы меня слышите? Там гитара! — говорю я охраннику. — Кажется, разбитая.

Но он хватает меня и тащит в гримерку.

Бледные, встревоженные музыканты собираются вокруг.

— Ну что за херня? — капризно спрашивает вокалист Энди.

Я лежу на одном из продавленных диванов и трясую головой. Боль разрастается, накрывая обжигающим потоком.

Фрэнк Заппу когда-то столкнули в оркестровую яму. Он сломал несколько костей и проткнул себе подбородок металлическим штырем пюпитра. А еще карьера Пат-

ти Смит чуть не закончилась после падения со сцены. Я тщетно пытаюсь вспомнить позитивные исходы случаев, когда музыкант выбывал из обоймы. Вроде как на одном из фестивалей барабанщик Metallica Ларс Ульрих психанул и не пришел на выступление: тогда его подменили коллеги из других групп, и шоу состоялось. Вроде бы логично.

— Может, кто-то сыграет за меня?

Клавишник Артем задирает мне брючину и осматривает рану. В разрезе на левой ноге пузырится кровь и видны сухожилия. На правой ступне отек похож на резиновый шар.

— У тебя болевой шок, — поясняет он и протягивает початую бутылку виски. — На, хлебни, и вызовем скорую.

Артем крайне рассудителен: как и в случае с полочками техники, пытается найти самый простой путь для решения. Если нет паяльника, то нужно нести в мастерскую. Я замечаю, как Энди с омерзением отворачивается.

— Попробуем что-то придумать. Как-то сыграть.

Мне хочется найти варианты.

Появляется наш менеджер Макс Змеев с упаковкой воды. Он некоторое время тупо смотрит на разбитую гитару. И только потом замечает, что его новенькие ботинки запачканы кровью, скопившейся на полу.

— Это что, блядь, такое? — приподнимает он подошву. По его шокированному лицу становится понятно, насколько он недооценил ситуацию.

— Слушай, я не понимаю, что произошло, — оправдываюсь я. — Он просто на меня налетел... как тень. Я даже не успел среагировать.

В зале разрастается шум. Скандируют название нашей группы. Все громче и громче.

— Нас ждут, — упавшим голосом говорит Энди. — Нужно выйти и что-то сказать... Мы же срываем концерт.

Макс Змеев, очнувшись от первоначального ступора, переключается в режим повышенной активности. Набирает какие-то телефонные номера. Оправдывается и лебезит. Потом, отложив телефон, спрашивает, разглядел ли я того, кто меня толкнул. Говорит, что охрана не успела его задержать.

— Неужели ты не смог рассмотреть этого козла? А? — тарачится он на меня.

В этот вечер мы должны были подписать контракт с крупным лейблом «Мажор Рекордс». Издатель где-то недалеко, ходит за дверью, сложив пухлые руки за спину. Змеева, судя по всему, это волнует больше всего.

Он собирается обыграть мое падение как замысловатый рекламный ход.

Любую неудачу можно превратить в пиар.

На несчастье заработать легче легкого.

Смерть — вот идеальный информационный повод.

Крики в зале становятся все громче, а еще появляется топот. Крайняя степень нетерпения.

— Ты слышишь? — тормозит меня Змеев.

Его острый хищный нос размывается и плывет у меня перед глазами.

— Не надо волноваться, — мотаю я головой. — Пять минут, и вы сможете заценить мой самый мощный аккорд.

В этот момент Артем прекращает бинтовать мою ногу.

— И какой самый мощный?

— Фа!

Глаза Артема с удивлением и насмешкой впиваются в мои. Он вытирает заляпанные кровью пальцы об обрывок бинта и сообщает как приговор:

— Концерта не будет. Я вызываю скорую.

— Уверен? — вскидывается Змеев.

— Уверен!

Змеев плетется на сцену. Через мгновение раздается его голос, усиленный динамиками. Он извиняется за срыв выступления, говорит, что случился «кошмарный форс-мажор». На слове «мажор» на секунду заминается, видимо, вспомнив про издателя из «Мажор Рекордс», находящегося в зале.

— Вот зря не попытались, — я стараюсь быть невозмутимым.

Когда двое санитаров вытаскивают меня на носилках через заставленное коробками помещение подсобки, в зале уже играет диджей. Стены гулко вибрируют от накачивающих басов.

Любое шоу должно продолжаться, как пел мертвый классик. Иначе возврат билетов от недовольной публики разорит промоутера.

Я дергаю санитаря за рукав.

— Где мой «Гибсон»? — интересуюсь я. — Куда его дели?

На улице хлещет проливной дождь. Машина скорой помощи припаркована у черного входа. Водитель курит поодаль, исподлобья поглядывая на толпу, стоящую под небольшим навесом. Публика, завидев носилки, кидается в нашу сторону.

— Без паники! Автографы достанутся всем! — Фил, как вратарь, расставляет руки.

В странном порыве мне хочется крикнуть, чтобы нашли того гада, сломавшего мне ноги, но меня прерывает Змеев:

— Давай сейчас не будем будоражить народ. — Он держит над головой пластиковые папки, прикрываясь ими от ливня, и говорит, что поклонники устроят давку, словно мы The Beatles.

Когда скорая уже готова отъезжать, внутрь машины просовывается хрупкая девочка в мокром капюшоне: — Подождите!

За ее спиной сверкают вспышки дешевых мыльниц — это Фил фотографируется в обнимку с поклонниками.

— А ты еще куда? — Змеев проворно захлопывает дверь прямо перед ее носом.

— Да блин, я фотограф! — доносится глухой далекий голос. — Я успела снять того психа, который вас толкнул. Вам же, наверно, нужны фотографии, чтобы найти его?

Сквозь заляпанное стекло я вижу тонкую фигурку с фотоаппаратом, прикрытым куском полиэтилена. Скорая трогается, поднимая фонтаны брызг от мокрого асфальта.

— Ну хоть не передоз, как в тот раз! А то опять бы намучились, — говорит бородатый фельдшер коллеге и небрежно делает укол.

Тепло разливается по телу. Потяжелевшая вдруг голова сама откидывается на кушетку. Приплыли. Мне двадцать восемь. Десять лет я работал в музыкальном журнале и выступал на сцене в надежде чего-то добиться, и вот, в самый ответственный момент, прямо перед подписанием контракта, меня столкнули вниз! Раз — и все. Одним щелчком, словно какую-то букашку.

2

Нет более унылого места, чем городская больница в выходной день. Серый питерский полумрак заливает окно возле моего изголовья. Ульяна стоит у двери и скептическим взглядом окидывает палату. Первое, что она видит — гипс, который торчит из-под одеяла.

— Ну и как ты тут?

Она с трудом прячет свое волнение. На ней зеленый джемпер с антифашистской эмблемой — человек, выбрасывающий свастику в корзину, — и длинная цветастая юбка. На ногах, поверх кроссовок — бахилы.

— Приехала рано, как смогла, пришлось даже ждать до начала посещений.

Я определенно рад ее видеть. Есть маленький шанс, что она поможет мне оказаться дома. Хотя в моем положении это непросто: на одной ноге гипс, а в другой дренажная трубка.

— Выглядишь ужасно. — Ульяна кладет на тумбочку содовый. — Ты забыл его в клубе.

Она садится на край кровати и принимается выкладывать из пакета мандарины, упаковки доширака, зубную пасту, книги. Десятки разных вещей, которые, по ее мнению, облегчат мое больничное заточение.

— Если что-то забыла — завтра привезу, только попроси.

Она рассказывает, что страница нашей группы в ЖЖ завалена возмущенными комментариями. Люди пишут о несостоявшемся выступлении и недовольны организацией концерта.

— Хорошо, что ты этого не видела, — вздыхаю я. — Толкнули в спину, подло, исподтишка. Представляешь?

Бородатый дед с соседней койки, замотанный в бинты, с любопытством подслушивает наш разговор.

Ульяна поправляет очки:

— Мне кажется, пока этого психа не поймают, тебе небезопасно давать концерты.

С Ульяной я встречаюсь уже несколько лет. Она помнит дни рождения моих родителей, знает, где лежат наши загранпаспорта и какой омлет я люблю на завтрак. Когда на моем компьютере сломался жесткий диск, именно она помогла перепечатать часть рукописных статей, чтобы восстановить архив. Мы живем отдельно, но у нее есть ключи от моей квартиры, и она гуляет с моей собакой.

— Возможно, он и не псих, — говорю я. — Это мог быть кто угодно. Может, его бесят мои септаккорды?

Ульяна кладет мне руку на плечо.

— Ну не знаю.

— Одна девочка сказала, что успела его заснять, —
зачем-то говорю я.

Ульяна подходит к окну и ежится, словно от холода. Весенний дождь мелкой моросью поливает лужайку в больничном сквере. Под навесом крыльца пациенты в пижамах жадно вдыхают сигаретный дым.

Телефон, который она принесла, полон неотвеченных вызовов и гневных сообщений с работы.

— Не знаю, как отключить звук. Названивают с самого утра.

Готовить к печати майский номер рок-журнала «Дилэй» — моя редакторская обязанность. Любому музыканту, который еще не успел монетизировать свой талант, приходится где-то подрабатывать. Курт Кобейн, например, трудился швейцаром. Дэвид Боуи — курьером, Фредди Меркьюри — грузчиком. Так что музыкальный журнал — еще не самый плохой вариант. Все могло быть хуже.

Nokia на тумбочке начинает плясать от вибрации. Маленький динамик с трудом воспроизводит бас из вступления к песне «Angel» Massive Attack.

— Ответь, — говорит Ульяна. — Ты им нужен.

В трубке Главный редактор.

— Ты нам нужен, — говорит он.

Я знаю, что если не явлюсь на редакционное собрание — начнется жесьть. Авторы поссорятся друг с другом. Вместо God Is An Astronaut и Tortoise Кеша Незлобин, ответственный редактор, обязательно вклеит в номер олдскул вроде Harry Mondays. План материалов съедет. Короче, все пойдет наперекосяк.